

Ева Арден

Один диван на ДВОИХ

Ночь в мотеле, которая всё изменила

18+

Ева Арден

Один диван на двоих

<https://litres.ru/74674617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна метель. Один свободный номер. И мужчина, с которым лучше бы никогда не оставаться наедине. Особенно если сердце давно разучилось доверять.

Ветеринар Настя всего лишь хотела добраться до выставки кошек. Но снежная буря приводит её в придорожный мотель, где приходится делить комнату с незнакомым автомехаником Гришей. Он немногословен, неловок в признаниях и подозрительно хорошо ладит с её своенравным котом Барсиком. А ещё умеет согревать не только сломанные батареи, но и чувства, которые Настя считала давно остывшими.

Ночь становится слишком нежной, чтобы остаться случайностью. Но утром дороги снова разойдутся. Решатся ли двое одиноких людей поверить, что за пределами заснеженного мотеля их ждёт нечто большее, чем воспоминание о страсти?

Ева Арден

Один диван на двоих

Серия «Лёгкие страсти» · Книга 1 из 6

Один диван на двоих

Ночь в мотеле, которая всё изменила

Ева Арден

18+ · Для взрослой аудитории

© Ева Арден, 2026. Все права защищены.

Воспроизведение книги или её части в любом виде без письменного разрешения правообладателя запрещено.

Все персонажи и события вымышлены; любые совпадения случайны.

Аннотация

Метель закрывает трассу, и ветеринар Настя с котом Барсиком застревает в придорожном мотеле, где единственный свободный номер приходится делить с автомехаником Гришей. Одна ночь, тёплое вино из автомата, сломанный котёл и кот, который неожиданно выбирает колени незнакомца, пре-

вращают случайное соседство в нечто большее. Утром Настя уезжает, боясь поверить, что это было по-настоящему, а Гриша остаётся с запиской и сомнением: была ли ночь просто метелью. Когда Барсик выходит на ринг выставки, Настя поднимает глаза и видит в толпе знакомую куртку — но хватит ли им обоим смелости сказать вслух то, что началось в комнате номер одиннадцать?

Содержание

Глава 1. Застрявшие

Глава 2. Один диван на двоих

Глава 3. Ночь без метели

Глава 4. Возвращение

Глава 5. Гараж 24

Глава 6. Строгая начальница

Глава 7. Зимний мурлыка

Глава 8. Уезжаем вместе

Глава 1. Застрявшие

Метель началась раньше, чем обещали синоптики. Настя выехала из Ветрогорска в четыре часа дня, надеясь к семи быть в областном центре, но уже на выезде из города небо потемнело и с него посыпался мелкий, колючий снег. Сначала он таял на лобовом стекле, потом перестал таять. Дворники работали на полной скорости, но всё равно за ними оста-

валась мутная полоса.

Барсик сидел в переноске на заднем сиденье и время от времени издавал короткое, недовольное «мрр». Он не любил машину. Он не любил переноску. Он не любил всё, что нарушало его привычный распорядок — лежать на подоконнике и смотреть на ворон. Настя его понимала.

— Я знаю, — сказала она вслух. — Я тоже не в восторге.

Кот в ответ шумно вздохнул и отвернулся, уткнувшись носом в плед.

До поворота на трассу М-11 она добралась за сорок минут. Дальше стало хуже. Фары выхватывали из темноты белую стену — снег летел сплошным потоком, почти горизонтально, гонимый ветром. Дорога сузилась до двух колеи, потом до одной. Настя сбросила скорость до сорока, потом до тридцати. Встречные машины пропали вовсе. Только изредка в зеркале заднего вида мелькали фары: кто-то ехал за ней, не решаясь обогнать.

В шесть вечера она поняла, что до города не доедет. Навигатор показывал сорок километров до мотеля, и эти сорок километров в такую погоду означали не меньше двух часов, если не больше. А дальше до областного центра оставалось ещё сто двадцать.

Настя включила габариты и съехала на обочину. Переноска качнулась, Барсик недовольно мурлыкнул. Она достала телефон и, сняв перчатку, ткнула в экран. Сеть ловила плохо: одна палочка, потом ни одной, потом снова одна. Она на-

брала номер Люси.

— Насть, ты где? — Голос подруги пробивался сквозь шипение и ветер. — У нас в клинике свет мигает, Марина Геннадьевна уже дважды спрашивала, почему ты не на месте.

— Я на трассе. Метель. До мотеля доеду, дальше не рискну.

— Совсем застряла? — Люся ахнула. — А как же выставка? Барсик же у тебя.

— Барсик сидит в переноске и страдает. Я тоже. — Настя потёрла переносицу. — Позвони Марине Геннадьевне, скажи, что я переночую в мотеле и утром поеду дальше. Если дорогу расчистят.

— А если не расчистят?

— Тогда и буду думать.

— Ладно, — Люся помолчала. — Насть, ну ты там аккуратнее. В этих мотелях всякое бывает.

— Всякое — это что?

— Ну, не знаю. Мужики, дорога. Ты одна.

— Я с котом, — сказала Настя. — Кот — серьёзная защита.

Люся фыркнула. Настя попрощалась и убрала телефон. Выключила передачу, подождала, пока мимо, тяжело шурша шинами по снегу, проползёт фура с мигающими огнями, и снова выехала на дорогу.

До мотеля она добиралась полтора часа. Дорога шла через поля, и ветер здесь был особенно злым: он бил в бок маши-

ны, и Настя каждый раз напрягалась, удерживая руль. Дворники с трудом справлялись. В какой-то момент она перестала различать, где дорога, а где обочина, и ехала почти по памяти, ориентируясь на редкие столбики и следы других машин.

Неоновая вывеска «Северный ветер» показалась из белой мглы неожиданно близко. Буква «е» мигала и потрескивала, отбрасывая на снег розовые блики. Настя свернула на парковку и остановилась, чувствуя, как отпускает плечи. Руки дрожали — не от холода, от напряжения.

— Всё, — сказала она Барсику. — Приехали. Ночуем.

Кот ответил ей тишиной. Когда Настя обернулась, он уже спал, свернувшись клубком в своём пледе.

Внутри мотеля пахло хлоркой, подгоревшими тостами и ещё чем-то тёплым, немного пыльным — как будто тут давно не меняли ковры. За стойкой сидела немолодая женщина с круглым лицом и читала книгу в мягкой обложке.

— Номер нужен? — спросила она, не отрываясь от страницы.

— Да. На одну ночь. — Настя поставила переноску на пол, и Барсик тут же прижался к стенке, выглядывая наружу сквозь решётку.

— Машину у вас заносит, — женщина наконец подняла глаза. — Оттуда едете или туда?

— Туда. На выставку. Утром надеюсь доехать.

— Вряд ли, — сказала женщина без всякого сочувствия.

— Трассу закрыли. Там фура перевернулась под Покровкой. До утра точно стоять будут.

Настя медленно выдохнула.

— Ладно. Номер есть?

— Есть один. — Женщина посмотрела в журнал. — Точнее, был. Сейчас проверю. — Она провела пальцем по странице, потом перелистнула. — Один свободный. Но там... — она замялась, — диван.

— В смысле?

— В смысле одна комната, в ней одна кровать и один диван. Из мебели — всё.

— Я не поняла, — сказала Настя. — И это единственный свободный номер?

— Да. И в нём один диван. И одна кровать.

Настя смотрела на неё, пытаясь осмыслить. За её спиной хлопнула дверь — с улицы ввалился холодный воздух, и вместе с ним вошёл мужчина. Высокий, в куртке с капюшоном, на рукавах — тёмные пятна, похожие на машинное масло. Он стянул шапку и пригладил короткие русые волосы.

— Здравствуйте, — сказал он хрипло и сбивчиво, будто только что долго молчал на морозе. — Номер свободный есть? Машина сломалась, буксир не дозвониться.

Женщина перевела взгляд с Насти на него и обратно.

— Вот, — сказала она. — Один номер. Они как раз советуются.

Мужчина посмотрел на Настю. У него были светлые, по-

чти янтарные глаза с морщинками в уголках и лёгкая щетина, тронутая инеем. Он смотрел спокойно, без наглости, и от этого Насте стало чуть легче и чуть неловчее одновременно.

— Я не советуюсь, — сказала она быстро. — Я думаю.

— Ясно. — Он не отвёл взгляда. — Я Гриша. Сорокин. У меня там машина на въезде сломалась, буксир не дозво-
ниться.

Настя поправила воротник, хотя он и так был в порядке.

— Настя. Ковалёва. Я ветеринар. Вот, — она кивнула на переноску, — это Барсик.

Барсик, услышав своё имя, высунул лапу сквозь прутья и тихо мяукнул. Гриша посмотрел вниз, и лицо его сразу изменилось — стало мягче, теплее.

— Ну, здорово, Барсик. — Он присел на корточки и протянул к переноске руку. Кот принялся, потом медленно, очень осторожно, понюхал его пальцы и вдруг потёрся мордой о решётку.

— Он вас не знает, — сказала Настя, — но реагирует. Обычно чужих не любит.

— У меня у самого кот. Марсик. — Гриша выпрямился, и Настя вдруг заметила, как он крупен: широкие плечи, крепкие руки, — и от этого её собственная неловкость усилилась. — Оставил его дома, к сестре ехал. Вернусь — он мне устроит. Так что я к котам привычный.

Женщина за стойкой кашлянула.

— Итак. Я могу предложить только один номер. С дива-

ном и кроватью. Если нагрузка не смущает, а, судя по всему, не смущает, я оформляю.

Настя открыла рот, чтобы сказать что-то про приличия, про то, что она не делит номера с незнакомыми мужчинами, про то, что у неё выставка утром, а не приключения ночью. Но за окном всё так же выла метель, и телефон показывал четыре часа до ближайшего населённого пункта пешком. Она подумала о Барсике в холодной машине, о своей усталости, о снеге, который засыпал дорогу.

— Хорошо, — сказала она. — Но диван — мой. Я с котом. Кот может испортить кровать, если его там оставить.

— Согласен, — тут же откликнулся Гриша. — Диван ваш. Я на кровати. — Он чуть помедлил. — Если вам вообще нормально, что я рядом. Сами понимаете, я не настаиваю.

— Понимаю, — сказала Настя. — У меня сейчас нет вариантов лучше.

Гриша кивнул.

Женщина протянула им ключ с деревянным брелоком.

— Второй этаж, комната одиннадцать. Автомат с напитками внизу, у лестницы. Только он с вином, кофе или вино — не ошибитесь. Кофе с утра.

— Спасибо, — сказала Настя и взяла ключ. Она подхватила переноску, и Барсик, почувствовав движение, вновь недовольно мурлыкнул.

— Давайте я, — сказал Гриша, и прежде чем она успела возразить, подхватил её сумку, стоявшую у стойки. — Не

тяжело. Вам kota нести.

Настя смотрела на него секунду — на его руку с сумкой, на другое его плечо, на котором висела куртка. Потом сказала коротко:

— Пойдёмте.

Они поднялись по лестнице, скрипя ступенями. На втором этаже пахло холодной пылью и стиранным бельём. Коридор был узкий, с ковровой дорожкой в тёмных ромбах, и лампы под потолком давали жёлтый, неровный свет. Гриша шёл чуть позади, и Настя слышала его спокойные шаги и дыхание, и от этого ей было и тревожно, и почему-то спокойно.

Комната одиннадцать оказалась именно такой, какой она её представляла: одна кровать, диван, маленький стол у окна, тяжёлые шторы и телевизор с плоским экраном. Диван был обтянут тёмно-синей тканью, и на нём лежала аккуратно сложенная подушка. В углу стояла вешалка.

— Неплохо, — сказал Гриша, поставив сумку у двери.

— Нормально, — согласилась Настя больше для вида. Она поставила переноску на пол, открыла дверцу, и Барсик неспешно вышел, оглядываясь. Хвост у него был трубой, уши шевелились — он обследовал территорию.

— Занято, — сказал Гриша коту. — Я сам тут новенький.

Барсик обнюхал его ботинки, потом потёрся о его ногу, обозначая, что принял.

— Предатель, — сказала Настя негромко.

Гриша улыбнулся, и улыбка у него была неловкая, будто

он редко её использовал. В темноте комнаты его глаза казались ещё светлее.

— Вы надолго? — спросил он, стаскивая куртку.

— На ночь. — Настя сняла свитер и осталась в тонкой чёрной кофте. Она вдруг почувствовала, как это выглядит: она, полуодетая, в комнате с незнакомым мужчиной, за окном метель. — Я ветеринар. Утром надеюсь доехать до города. Там выставка. Барсик участвует.

— Это он у вас на приз? — Гриша посмотрел на кота, который уже устроился на диване и вылизывал лапу. — Похоже, он уверен в себе.

— Он всегда уверен. — Настя присела на край дивана. Барсик тут же перебрался ей на колени. — А вы? Почему вы здесь?

— Я автомеханик. Гараж у меня в Ветрогорске, — ответил Гриша. Он сел на кровать, не снимая ботинок. — Ехал к сестре, она в области живёт. Не доехал.

— Так мы оба застрявшие, — сказала Настя.

— Выходит, так.

В коридоре что-то громко щёлкнуло — автомат с напитками, доносилось до них снизу, — и Гриша поднял голову.

— Слышали? Кофе или вино. Вы что предпочитаете?

Настя подумала о том, как долго она держалась за руль, как замёрзла, как хочется просто расслабиться и перестать контролировать всё на свете.

— Вино, — сказала она.

Гриша кивнул и поднялся.

— Я быстро. Наливаю вам. — Он вышел в коридор, и его шаги стихли на лестнице.

Настя посмотрела на Барсика, свернувшегося у неё на коленях, на метель за окном, на тревожно мигающую букву «е» на вывеске. Она поняла, что сегодняшний вечер не будет таким, как она планировала. И, к своему удивлению, не почувствовала раздражения.

Гриша вернулся через минуту — в одной руке пластиковый стакан с вином, в другой бумажный, с кофе. Он поставил вино на стол перед Настей, а кофе оставил себе, пристроив на подоконник.

— Угадал? — спросил он, кивнув на стакан.

— Проверим. — Настя взяла вино, отпила глоток и поморщилась. — Тепловатое и сладкое. Как компот для взрослых.

— Зато согревает. — Гриша сел на край кровати, снял наконец ботинки и поставил их аккуратно, носками к стене. Носки у него оказались с серыми полосками, и эта бытовая мелочь почему-то успокоила Настю сильнее любых слов.

Барсик слез с её колен, прошёлся по комнате, обнюхал угол с вешалкой, потом запрыгнул на кровать к Грише и уселся там, как хозяин.

— Вот, — сказала Настя. — Я же говорила. Он выбирает кровать.

— Пусть сидит. — Гриша осторожно, двумя пальцами,

почесал кота за ухом. Барсик зажмурился и замурчал — громко, басовито, так, что задрожал матрас. — Мой Марсик так же делает. Сядет на подушку и мурчит, пока не выгонишь.

— У вас кот и мастерская, — сказала Настя. — А я думала, автомеханики — люди без сантиментов.

— Автомеханики разные. — Гриша отпил кофе. — Я, например, сентиментальный. Только виду не подаю.

Она усмехнулась, и это вышло у неё легко, без привычной сдержанности. Вино было сладким, но дело было не в нём. Просто в комнате стало тепло, метель за окном уже не казалась ловушкой, а казалась фоном.

— Расскажите про выставку, — попросил Гриша. — Что там будет?

— Смотр. Барсик в категории домашних любимцев. Не породистый, но ухоженный, с характером. — Настя поставила стакан и подалась вперёд, и тут же поймала себя на том, что в ней проснулся профессиональный азарт. — Судят по шерсти, по зубам, по поведению. И ещё смотрят, как кот идёт на руки к эксперту. Если боится или шипит — снимают баллы.

— А он у вас? Шипит?

— Барсик? — Настя взглянула на кота, который теперь лежал поперёк кровати, вытянувшись во всю длину, и смотрел на Гришу в упор. — Смотря на кого. Экспертов терпит. Людей он оценивает быстро, но редко ошибается.

— То есть меня он оценил, — сказал Гриша. — И что сказал?

Настя замялась. Сказать «он вас принял» значило сказать больше, чем она хотела.

— Сказал, что вы не опасны, — ответила она. — Это уже кое-что. Он вон того, кто громко разговаривает, в клинике за версту чует и сразу в переноску.

— Значит, можно громко не разговаривать.

— Можно.

Молчание между ними повисло не тяжёлое, а какое-то обжитое, будто они давно знали друг друга и просто устали за день. Настя откинулась на диван, поджав под себя ноги. Свитер она уже сняла, в комнате было тепло, и тонкая кофта приятно облегла плечи. Она поймала себя на мысли, что не прячет руки, не поправляет воротник, ничего не изображает. За рулём она провела шесть часов и теперь чувствовала каждую мышцу.

— Устали? — спросил Гриша.

— Есть немного.

— Ложитесь. Я свет погашу. — Он поднялся, и она вдруг остро ощутила, как близко он стоит — в двух шагах, с кружкой в руке, с этой неловкой добротой в глазах. — Диван ваш, я помню. Кровать занята котом, но я его подвину.

— Он не подвинется.

— Тогда лягу рядом. — Гриша сказал это просто и без всякого подтекста, но Настя всё равно почувствовала, как у

неё потеплели щёки. Он это заметил и поспешил добавить: — В смысле — я с краю. Кот по центру. Я к котам привычный.

— Я тоже, — сказала Настя.

Она легла на диван, не раздеваясь дальше кофты и джинсов, накрылась пледом. Диван оказался жёстким, с бугристой пружиной в боку, но она слишком устала, чтобы обращать внимание. Гриша погасил верхний свет, оставил только лампу у кровати, и комната погрузилась в мягкую желтизну. Он лёг на кровать, стараясь не потревожить Барсика, но кот всё равно недовольно мурлыкнул и перебрался на подушку, освободив край.

— Спокойной ночи, — сказал Гриша.

— Спокойной, — отозвалась Настя.

За окном завывало. Буква «е» на вывеске мигала, и её розовый свет то появлялся, то исчезал на потолке. Настя лежала с открытыми глазами и слушала, как дышит в темноте незнакомый мужчина — ровно, глубоко, спокойно. Она подумала о том, что утром они, скорее всего, разъедутся и больше никогда не встретятся, и почему-то от этой мысли ей стало не по себе. Потом она подумала о выставке, о Марине Геннадьевне, о Люсе с её «в этих мотелях всякое бывает» — и улыбнулась в плед.

«Всякое» сегодня ограничилось тепловатым вином и котом, который выбрал кровать незнакомца.

Барсик вдруг прыгнул с подушки, тихо прошёл по комна-

те и запрыгнул на диван, устроившись у Насти в ногах, свернувшись клубком. Она почувствовала его тепло через плед, и это тепло, вместе с ровным дыханием Гриши и воем метели за окном, наконец отпустило её. Она закрыла глаза.

Сон подступал медленно, но в коридоре снова щёлкнул автомат, и Барсик поднял голову. Настина рука лежала поверх пледа. Лампа у кровати Гриши всё ещё горела.

Глава 2. Один диван на двоих

Гриша открыл глаза оттого, что стало тихо: он задремал и сам не заметил как, а метель за окном всё ещё гудела, но по-другому — глуше, будто ветер устал и теперь только ворчал на поворотах. Лампа горела, Барсик спал у Насти в ногах, а на стуле у окна лежал его собственный свитер, аккуратно сложенный. Гриша вспомнил: он сам снял его ещё вечером и сложил, когда в комнате стало жарко.

Он сел на кровати, стараясь не скрипнуть пружинами. В коридоре снова щёлкнул автомат — коротко, металлически, как затвор. Потом ещё раз. Ничего не выпало. До этого автомат выдавал напитки исправно, а ночью у него заклинило механизм подачи.

Гриша надел ботинки, накинул куртку поверх футболки и вышел. В коридоре пахло всё тем же — хлоркой и подгоревшим хлебом, — а у автомата на подоконнике сидел парень в вязаной шапке и стучал по кнопке ладонью.

— Заело, — сказал он, оборачиваясь. — И вино не даёт,

и кофе.

— Дайте гляну. — Гриша подошёл, присел на корточки перед автоматом. Это была старая модель, из тех, что ставят в придорожных кафе: за стеклом угадывались бутылки, внутри гудел компрессор. Он постучал по панели костяшкой, прислушался. — Монету вернуло?

— Не-а. Сожрало и молчит.

Ещё за ужином он заметил: бутылка опустела, а Настя всё поглядывала на пустой стакан. Потом услышал из-за двери, как она ворочается на жёстком диване. Вот и решил: если автомат заело, он его починит и добудет вина для неё. Гриша открыл дверцу сбоку — она держалась на одном винте, второй выкрутился, в лотке торчала застрявшая бутылка. Он достал из кармана перочинный ножик, подцепил защёлку. Внутри был блок с ячейками, и в нижней застряла ещё одна бутылка — тонкая, с белой этикеткой, горлышком вниз. Он потянулся, дёрнул, но она сидела крепко.

— Сейчас, — пробормотал он и надавил на рычажок подачи. Механизм скрипнул и провернулся. Бутылка с глухим стуком упала в лоток. — Есть.

— О, мужик, спасибо. — Парень выхватил бутылку и зашагал к лестнице. — Удачи!

Гриша вытер руки о штаны. Автомат мигнул лампочкой и снова загудел, довольный. Гриша уже собирался вернуться, когда заметил, что в лотке осталась вторая бутылка — та, что, видимо, застряла ещё раньше, а теперь выпала вме-

сте с первой. Он вынул её, посмотрел на этикетку: местное красное, простецкое. Потом оглянулся на дверь одиннадцатой комнаты.

За дверью было тихо. Он тихонько постучал. Потом ещё раз, громче.

— Настя? — позвал он негромко. — Это Гриша. Тут автомат зажевало, я вытащил бутылку. Не пропадать же.

Пауза. Потом щелчок замка. Дверь приоткрылась на ладонь — Настя стояла в той же тонкой кофте, босиком, с растрёпанной после подушки чёлкой. Взгляд у неё был ещё сонный, но уже настороженный, будто она успела подумать: «а чего это он?»

— Зачем? — спросила она.

— Тут холодно, а вино согревает, вы сами говорили. — Гриша пожал плечами. — И я подумал, что утром мне всё равно ехать. Может, выпьем по глотку. Если хотите.

Она молчала пару секунд, потом открыла дверь шире.

— Заходите. Только тихо, кот спит.

Барсик, впрочем, уже сидел на подушке, наострив уши, — кот всегда слышал, когда в комнату входил чужой. Гриша поставил бутылку на стол, вытащил из ящика два стакана — пластиковых, но чистых. Настя присела на край дивана, подтянув к себе плед.

— У вас руки в масле, — заметила она, кивнув на его ладони. — Вон, у большого пальца.

Гриша посмотрел — действительно, тонкая чёрная полос-

ка под ногтем. Он усмехнулся.

— Привычка. На работе всегда так. Я их отмываю, но где-то остаётся.

— Как у меня шерсть на свитерах, — сказала Настя. — Сколько ни стирай, всё равно где-нибудь да найдёшь. Однажды нашла в кармане зимней куртки. А куртку не надевала с прошлой зимы.

Она взяла стакан, отпила, и Гриша увидел, как она поморщилась, но на этот раз — не недовольно, а будто вино было чуть-чуть лучше, чем она ожидала.

— Тёплое, — сказала она.

— Тёплое, — согласился Гриша. — Но пить можно.

Они сидели друг напротив друга: он на кровати, она на диване, между ними стол с бутылкой и стаканами, и Барсик, который уже перебрался на пол и обнюхивал ботинки Гриши — снова, будто проверял, не изменилось ли что-то с прошлого раза.

— Вы мне так и не рассказали, зачем ехали к сестре, — сказала Настя, отпив ещё.

Гриша повертел стакан в пальцах.

— У неё муж в больницу попал. Ничего страшного, но она одна с двумя пацанами, я обещал приехать, помочь по хозяйству. Снег, крыша протекает... — Он замолчал. — В общем, не доехал. Позвонил ей, сказал, что застрял. Она смеётся: «Ты у нас теперь знаменитый путешественник».

— Она далеко живёт?

— Восемьдесят километров за городом. По этой погоде — не доехать.

Настя кивнула и поставила стакан.

— А вы в Ветрогорске так и живёте? — спросила она.

— Так и живу. Дом на окраине, мастерская. Кот. Утром встаю, завожу машину, еду в гараж. Вечером возвращаюсь, кормлю Марсика, смотрю что-нибудь. — Он усмехнулся. — Скучно рассказываю.

— Нормально рассказываете, — сказала Настя. — Правда. У меня то же самое, только вместо гаража клиника. Утром — приём, вечером — истории. Сегодня был срочный вызов, а я уже уехала. Люся отбивалась одна.

Гриша почесал затылок.

— Слушайте... — начал он, и в горле вдруг стало сухо. Он покрутил стакан в пальцах. — Я не про то, что вы должны отвечать. Просто скажите, если хотите: вас дома кто-то ждёт? Ну, кроме кота.

Она посмотрела на него прямо, без улыбки.

— Одна. Пять лет как одна. — И добавила, будто извиняясь: — Так вышло.

— Я тоже один, — сказал Гриша. — Тоже пять лет. Может, шесть. Сбился со счёта.

Они помолчали, и это молчание было не неловким, а каким-то другим — будто они только что сказали друг другу нечто важное, хотя слова были самые простые.

Барсик в этот момент запрыгнул на кровать — легко, по-

хозяйски, — прошёлся по одеялу и улёгся у Гриши на коленях, свернувшись клубком. Мурчать он начал не сразу, а спустя секунду, будто решал, стоит ли. Потом решил — и зарокотал, басовито, громко, как маленький трактор.

— Ого, — сказал Гриша, не двигаясь. — Он ко мне.

— Он к вам, — подтвердила Настя. И вдруг улыбнулась — по-настоящему, широко, так, что у неё на щеке появилась ямочка. — Знаете, он вообще-то к чужим на колени не идёт. Даже к Люсе, а она его пять лет кормит. Только когда никого нет. А тут — на тебе.

— Может, он чувствует, что я не обижу, — сказал Гриша и осторожно, двумя пальцами, почесал кота за ухом. Барсик вытянул шею и зажмурился. — У меня Марсик такой же. Сразу видно, кто к нему с добром.

Настя смотрела на них обоих, и в её глазах было что-то такое, отчего у Гриши потеплело в груди. Он не знал, как это называется. Может, просто усталость уходила. Может, дело было в вине.

— Ладно, — сказала она наконец и поднялась. — Поздно уже. Я лягу, а вы... — она запнулась, — вы тоже ложитесь. Кровать ваша. Я вон, на диване, мне нормально.

— Настя, — сказал Гриша, и она остановилась. — Я могу на диване. Серьёзно. Я привык, я на работе и в машине сплю.

— Нет, — твёрдо сказала она. Голос у неё был спокойный, но не допускающий возражений — так, наверное, она говорила с хозяевами животных, когда те пытались спорить

о лечении. — Я сказала: кровать ваша. Я тут первая заняла диван. Всё.

Она легла на диван, накрылась пледом и отвернулась к стене. Барсик, почуяв, что хозяйка уходит, прыгнул с колен и перебрался к ней — устроился в ногах, как в прошлый раз.

Гриша так и лежал с открытыми глазами на кровати, глядя на её спину под пледом, на тёмные волосы, разметавшиеся по подушке. Лампу он погасил ещё раньше. Сон не шёл.

— Спокойной ночи, — сказал он в темноту.

— Спокойной, — отозвалась она, и в голосе её было что-то, чего он раньше не слышал — может, улыбка.

Ветер за окном стихал. Буква «е» на вывеске мигнула в последний раз и погасла. Гриша лежал на спине, смотрел в потолок и думал о том, что завтра утром они, скорее всего, разъедутся — она на выставку, он к сестре. И о том, что он не знает, как попросить у неё номер телефона, чтобы это не выглядело глупо.

Он повернулся на бок, и в свете вывески ему вдруг вспомнился билет с прошлогодней выставки — тот самый, что до сих пор лежал у него в бардачке. Он видел её тогда, в синем свитере, с котом на руках, и не подошёл. Побоялся. И сейчас, в четырёх шагах от её дивана, страх возвращался — только другой.

Теперь он лежал в двух метрах от неё и слышал, как она дышит. И снова боялся — но по-другому. Боялся, что утром всё окажется случайностью, а он останется с этим тёплым

вечером в памяти, как с чем-то несбывшимся.

Барсик тихо мурлыкнул во сне. Гриша улыбнулся в темноте и закрыл глаза.

Он не спал, когда она поднялась. Просто лежал с закрытыми глазами, слушал, как пружины дивана тихо скрипнули, как босые шаги прошли к окну, как отодвинулась штора — чуть-чуть, на палец.

— Не спится? — спросил он негромко, чтобы не напугать.

Настя вздрогнула, обернулась. В сером свете от вывески было видно, что она придерживает плед у груди, а плечи у неё напряжены.

— Думала, вы спите.

— Думал то же про вас.

Она помолчала, потом вернулась к дивану, села, поджав ноги, и плед соскользнул с одного плеча. Гриша отвернулся к стене — из вежливости, а не потому, что ему не хотелось смотреть.

— Гриша.

— М?

— Почему вы уступили диван? Только честно.

Вопрос застал его врасплох. Он повернулся. Настя смотрела на него прямо, без улыбки, будто от ответа зависит что-то важное.

— Потому что вы женщина, — сказал он и тут же понял, как это звучит. — Нет, не так. Потому что вы двое суток за рулём, и у вас кот, и вы... — Он сел, потёр лицо ладонью.

— Я не умею говорить красиво, извините. Просто мне так спокойнее. На кровати, на полу, в машине — мне всё равно, я привык спать где придётся. А вам завтра на выставку.

— То есть вам просто удобно, — сказала она, но уже мягче.

— Мне удобно, когда рядом кому-то нормально, — вырвалось у него, и это прозвучало слишком откровенно. Он поспешил отвести взгляд. — Простите. Не хотел вас смущать.

Настя ничего не ответила. Барсик, который всё это время лежал в ногах, поднял голову, зевнул, показав розовую пасть, и перебрался на середину дивана — между ними, если считать расстояние. Гриша невольно усмехнулся.

— Видите, он вас делит пополам.

— Он себя делит, — сказала Настя. — Хочет и там, и там. Типичный кот.

— Типичный, — согласился Гриша. — Мой Марсик тоже такой. Приходит ко мне, когда я за столом, ложится на бумаги, чтобы я не работал. Вроде и не мешает, а работать не даёт.

— А что вы делаете за столом? — спросила она и, спохватившись, добавила: — Если не секрет.

— Да какие секреты. Заказы расписываю. У меня всё в блокноте, по старинке, — сказал он. — Я не очень дружу с компьютером. Могу, но не люблю. В телефоне — и то путаюсь. Петрович надо мной смеётся: «Ты, Гриша, в двадцать

первом веке живёшь, а кнопки, как в двадцатом, нажимаешь».

— Петрович — это ваш?

— Помощник. Друг, наставник, ворчун. Работал со мной ещё в Москве, потом со мной же сюда вернулся. Он хороший. Женат, внуки. — Гриша хотел сказать ещё что-то, но прикусил язык: не ему рассказывать чужие тайны.

— Стихи? — Настя подалась вперёд, и плед окончательно соскользнул с плеча, обнажив ключицу под тонкой кофтой. — Прячет?

— Он думает, никто не знает. Я у него как-то тетрадь видел, когда он ушёл за вареньем. Открыл — а там про весну, про дорогу. Я закрыл и положил обратно. Не моё дело.

— А он не заметил?

— Не заметил. Я умею тихо делать то, что не просят, — сказал Гриша и тут же понял, что снова сказал больше, чем собирался.

Настя опустила глаза, потом снова подняла их, и в них было что-то новое — не настороженность, а интерес. Настоящий.

— Расскажите про выставку, — попросила она. — Прошлогодною. Вы ведь там были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.